

ИСТОРИЯ ◦ АНТРОПОЛОГИЯ

**Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (Кравченко А. В., Ломакин Н. А.) 8

Часть I. Память и места коммеморации

Глава 1. Инжавино: камень Антонова, танк Великой
Отечественной и куст сирени. *Память о Тамбовском
восстании в деревнях Инжавинского района* (Рачева Е. А.) . . . 26

Глава 2. Уварово: «Нас что-то должно
общее объединять». *Память о Тамбовском
восстании в «красном селе»* (Миронова Е. И.) 61

Глава 3. Похороны революции:
мемориальные кладбища 1920-х годов.
*Память о революционной эпохе в пространстве
большевистских некрополей* (Соколова А. Д.) 102

Часть II. Память и тексты

Глава 4. Новорусаново: свои. *Память о Тамбовском
восстании и о коммуне «Дача»* (Ломакин Н. А.) 118

Глава 5. Художественная проза: «Слово на данном
отрезке времени является наиболее сильным оружием».
*Формирование культурной памяти о Тамбовском
и Западно-Сибирском восстаниях* (Кравченко А. В.) 153

Глава 6. Озеро Нумто: «Я полюбил эту могилу...»
*События на озере Нумто в «чекистском эпосе»
и эго-документах* (Грамотчикова Н. Б.) 194

Часть III. Память и речь

Глава 7. Ишим: инструкция по управлению
«самолетом-амфибией». *Гибридная методика работы
с исторической памятью* (Штейнберг И. Е., Ключева В. П.) . . . 240

Глава 8. Приишимье: «Рассказывать о событиях надо, но без реалистичности». <i>Память о Западно-Сибирском восстании на территории бывшего Ишимского уезда (Лискевич Н. А.)</i>	285
Глава 9. Приграничные районы Внутренней Азии: запрещенное прошлое «казачьей Вандеи». <i>Семеновский миф и памяти о травмирующей памяти (Пешков И. О.)</i>	320
Заключение (<i>Кравченко А. В., Ломакин Н. А.</i>)	345
Сведения об авторах	356

*Посвящается памяти Т. Шанина.
С надеждой на то, что настанет время, когда гражданские
и прочие войны, а также массовые убийства станут
исключительно достоянием прошлого*

Кравченко А. В., Ломакин Н. А.

ВВЕДЕНИЕ¹

Тема крестьянских выступлений периода Гражданской войны² не нуждается в представлении широкому читателю. В последние 30 лет вышло множество первоклассных трудов, посвященных ей, — монографий³, сборников статей и документов, изданий источников⁴. Благодаря работе исследователей этот

¹ Работа над этой коллективной монографией выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

² Здесь и далее мы пишем «Гражданская война» с заглавной буквы, подчеркивая таким образом, что речь идет о событиях определенной гражданской войны — являющейся следствием распада Российской империи.

³ Например: *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Алешкин П. Ф.* Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1920–1921 годах: истоки, основные этапы, формы социально-политического протеста. М.: Голос-Пресс; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье 1918–1922. М.: Янус-К, 2001; *Телицын В. А.* «Бесмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003; *Климин И. И.* Российское крестьянство в годы гражданской войны (1917–1921). СПб., 2004; *Landis E. C.* Bandits and partisans: the Antonov movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2008; *Соколов К.* Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в Тверской губернии в конце 1917 — 1922 гг. М., 2017; *Борисов Д. А.* Колесниковщина. Антикоммунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920–1921 гг. М., 2018; *Посадский А. В.* Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М., 2018.

⁴ Например: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998; За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921. Сборник документов / Сост. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. Документы: В 2 т. / Сост. В. И. Шишкин. М., 2000–2001; Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 2002; Крестьянское движение в Саратовской губернии: Сб. документов и материалов / Авт.-сост. А. Рыбков. Саратов, 2003; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: РОССПЭН,

еще недавно полускрытый и плохо осознаваемый пласт истории становится все более изученным. Географический ареал, история отдельных выступлений, социальный состав участников восстаний, их лозунги, отношения внутри народных армий и дружин, действия красноармейцев против восставших — все это постепенно обретает более отчетливые черты. Важную роль в этом играет проделанная за эти десятилетия огромная работа в архивах, наконец открытых исследователям, и публикация источников.

Особенность нашей коллективной монографии в том, что ее авторы изучают не историю восстаний как таковых, а тот след, который эта история оставила в памяти разных поколений: как о них вспоминали сразу после завершения, спустя десятилетия, спустя столетие. Авторы интересуют не боевые столкновения между повстанцами и их противниками, не социальные предпосылки выступлений или их характер, а памятники, художественные и краеведческие сочинения, публикации в прессе и то, как люди вспоминают и забывают о событиях Гражданской войны и восстаний.

В разговоре о памяти мы опираемся на теоретические представления А. Ассман, которая выделяет три измерения памяти: нейронное, социальное и культурное¹. В рамках настоящего издания в фокусе внимания оказываются последние два: социальная и культурная память. По А. Ассман,

2003; Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине в 1919–1921 гг.: документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 2007; «Антоновщина»: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Тамбов, 2007; История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, 29 сентября — 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011; Крестьянский фронт 1918–1922. Сборник статей и материалов / Сост. А.В. Посадский. М., 2014; Тамбовское восстание 1920–1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2018; Крестьянские протесты в Сибири в годы революции и Гражданской войны. Коллективная монография / Под ред. И.В. Курьшева. Ишим: ИПИ им. П.П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018.

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 29–34.

ключевым носителем социальной памяти является социальная коммуникация, а культурной памяти — символические медиаторы. Социальная коммуникация — передача памяти «из уст в уста» — может, например, оставлять следы в виде зафиксированных интервью, писем, дневников, в которых люди размышляют о прошлом. Символические медиаторы — это произведения литературы и публицистики, кинофильмы, мемориалы и пр. Также может идти речь о «коллективной памяти», под которой понимается «формат памяти, связанный с сильными императивами лояльности и крайне унифицирующей „Мы“-идентичностью»¹. Используемый авторами книги термин «историческая память» не связан с методологией А. Ассман. Однако мы сочли возможным использовать его в значении совокупности разных форм памяти о хронологически отдаленных событиях.

А. Ассман считает, что передача информации через социальную коммуникацию может осуществляться в пределах трех или четырех поколений (то есть 80–100 лет)², а культурная память не имеет ограничения по времени. Это, впрочем, не означает, что с годами происходит только однонаправленный переход от памяти социальной к памяти культурной. Культурная память через производимые ею символические медиаторы влияет на социальную. Известные произведения литературы, кино, живописи, монументы могут служить отправной точкой социальной коммуникации и тем самым расширять горизонт социальной памяти.

В обыденной жизни память сталкивается с огромным количеством ограничений и предписаний о том, как вспоминать можно, а как — нельзя или не подобает. Такие ограничения распространяются и на социальную, и на культурную память, хотя механизм их работы различается. Обративший внимание

¹ Ассман А. Длинная тень прошлого. С. 33.

² Там же. С. 25.

на влияние подобных ограничений на память М. Хальбвакс предложил называть их социальными рамками памяти¹. Динамика изменения рамок памяти в СССР и постсоветской России — одна из ключевых проблем для авторов этой книги.

Авторы глав книги также обращаются к таким категориям, как «поминование», «памятование» и «коммеморация». Под поминованием и коммеморацией подразумевается набор практик (ритуалов, традиций), направленных на воссоздание связи между настоящим и прошлым. Памятование же понимается нами как более широкая категория, включающая не только регулярные практики, но и ситуативное воспроизводство памяти в любых формах.

Еще одной важной для нас категорией является забвение. Памятование и забвение мы понимаем не как противоположные, а как взаимодополняющие явления. Провести грань между ними зачастую бывает сложно или вовсе невозможно. Поэтому в рамках книги память и забвение рассматриваются как части единого процесса по отбору и отсеву того, что оказывается в (со)обществе стоящим или не стоящим сохранения.

Коллективная монография «Чужими голосами» сосредоточена прежде всего на памяти о событиях двух масштабных крестьянских восстаний: Тамбовского (1920–1921) и Западно-Сибирского (1921–1922)². Произшедшие почти одновременно, эти восстания являются частью гораздо более широкого как географически, так и хронологически процесса вооруженных выступлений крестьян. Границы и характер

¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

² Нередко Западно-Сибирское восстание также называют Ишимским, но в сборнике мы предпочли использовать именно первое название — прежде всего из-за полицентризма выступления (район Ишима был важным, но не единственным центром этого повстанческого движения). Тамбовское восстание нередко также называют Антоновским восстанием или антоновщиной. В обоих случаях стоит иметь в виду, что границы выступлений не совпадали как с прежними, так и с нынешними административными единицами (губернии, области и т.п.).

этого процесса можно описывать по-разному, следуя, например, за выдвинутой В.П. Даниловым и поддержанной Т. Шаниным концепцией «крестьянской революции»¹ 1902–1922 годов или апеллировать к идее «великой крестьянской войны»², позднее предложенной А. Грациози. В то время как фактическая история обоих восстаний представляется сейчас уже довольно хорошо изученной, современная и советская память о них лишь в последнее время становится объектом исследований³.

Фокус на этих двух восстаниях — одинаково знаковых для начала 1920-х и столь по-разному вспоминаемых в начале XXI века — сборник унаследовал от проекта «После бунта:

¹ В.П. Данилов и Т. Шанин говорили о крестьянском движении как глубинной основе революционных потрясений, происходивших в России в первые десятилетия XX века. Завершением крестьянской революции становился период начала 1920-х годов, когда советская власть была вынуждена пойти на заметные уступки крестьянству в рамках НЭПа. Коллективизация же по сталинской модели рассматривается ими как форма контрреволюции (*Данилов В.П.* Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конференции. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23).

² А. Грациози предлагала рассматривать «великую крестьянскую войну» как процесс борьбы формирующегося большевистского режима с крестьянством. Эта борьба становилась одновременно следствием и причиной значительного социального регресса, происходившего в это время в обществе (*Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001).

³ *Головашина О.В.* «В борьбе обретешь ты память свою»: Антоновщина в представлениях современных тамбовчан // Диалог со временем. 2020. Вып. 70; *Кравченко А.В., Ломакин Н.А., Склез В.М., Соколова А.Д.* Парадоксы темпоральности: память о крестьянских восстаниях 100 лет спустя // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 144–165; *Кравченко А.В.* «А потом забылось»: предпосылки забвения локальных событий Гражданской войны в с. Красново // Шаги. 2021. Т. 7. № 1. С. 99–116. Нельзя не упомянуть также две важные статьи, касающиеся изучения соответственно памяти крестьянства о событиях первой трети XX века и новеллизации Гражданской войны в крестьянских устных нарративах. А именно: *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008; *Кознова И.Е.* Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: РОССПЭН, 2016; *Виноградский В.Г.* Крестьяне и Гражданская война: дискурс новеллистики // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4. С. 70–85.

память о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях»¹, в котором участвовала заметная часть авторов книги, которую вы сейчас читаете. В рамках проекта в 2018 году исследователи собрали корпус из около двух сотен интервью в Тамбовской и Тюменской областях, была проведена фотофиксация многих сельских памятников, изучена местная периодика, собрана библиография краеведческой литературы. Респондентами были современные жители городов и деревень разного возраста — от 20 до 100 лет². В большинстве случаев исследователи брали интервью у людей, которые в силу работы, увлечений или социального статуса (старожилы, хранители памяти) могли сказать что-то определенное о событиях восстаний или традиции поминовения³.

При анализе материалов, собранных в рамках этого проекта, и родилась идея настоящего издания. Основной акцент на памяти о событиях крестьянских восстаний именно в Западной Сибири и Тамбовской губернии был сохранен, но для задания более широкого контекста нам показалось уместным включить в книгу и главы, исследующие память о схожих по многим параметрам выступлениях (семеновцев в трансграничных регионах, Казымском восстании), а также уделить внимание общим тенденциям формирования мемориальной культуры. Несколько иной фактический материал

¹ Поддержан грантом № 17-2-012905 Фонда президентских грантов для НКО.

² В книге цитаты из интервью оформлены следующим образом: инициалы респондента, пол, возраст на момент взятия интервью, место проведения интервью, дата проведения интервью, имя и фамилия интервьюера. Если интервьюером является автор главы, его данные не указываются. Например: А. А., ж., 71 год, г. Ялуторовск Тюменской области, 01.01.2018 [интервьюер И. И. Иванов]; В. В., м., 25 лет, г. Тамбов, 02.02.2018.

При расшифровке интервью тексты в целом ориентированы на литературные нормы русского письменного языка, но с сохранением некоторых наиболее ярких особенностей устной речи. Расшифровки интервью не всегда повторяют дословно (до междометий и запинаний) речь респондента, однако наиболее яркие особенности устной речи респондентов в ней отражены.

³ Часть интервью была размещена на сайте проекта: warandpeasant.ru (последнее обращение 25.03.2021).

и исследовательская оптика этих глав позволяют прояснить многие процессы, которые характерны для памяти о крестьянских восстаниях. Кроме того, благодаря этим главам память о восстаниях встраивается в более широкий контекст культурной политики и политики памяти.

Для исследователя памяти крестьянские восстания представляют весьма необычный материал. Коротко говоря, в условиях устанавливающегося советского строя уже в начале 1920-х и социальная коммуникация, и культурная память отражали односторонний и очень специфический образ восстаний — образ, заданный победившей в Гражданской войне стороной и активно внедряемый через разнообразные государственные и партийные институты. Этот образ — представления восстаний как кулацко-эсеровских мятежей — был в большей степени продуктом внутренней эволюции большевистской идеологии, чем результатом консенсуса среди жителей регионов, где происходили события. Формирование именно таких рамок и особенностей памяти о восстаниях — результат действия нескольких факторов.

Первый из них — это специфическая культура памяти, характерная для неграмотного в своей массе крестьянства. Эта память опиралась на устную традицию: даже умевшие читать и писать крестьяне редко создавали воспоминания, предпочитая рассказывать свои истории «на печи» (как часто выражаются их современные потомки, вспоминая о процессе общения с бабушками и дедушками). Устные воспоминания касались в основном истории семьи, деревни, редко затрагивая политические вопросы. И исследователи, и наши респонденты отмечают избирательность сюжетов и намеренное замалчивание политических тем. Другие характерные для крестьян вернакулярные формы культурной памяти (песни, заговоры и т. п.) либо не смогли зафиксировать вспышку сопротивления, либо были маргинализированы и вытеснены из массового употребления в условиях активной культурной

политики советской власти и невиданного прежде административно-репрессивного давления в послереволюционные десятилетия.

Ситуация противостояния правительству создавала определенную внедеревенскую и внесемейную общность, однако главными выразителями ее идей становились не крестьяне, а эсеровские или иные активисты. Сохранилось несколько программ восставших, множество воззваний, приказов, обращений¹. За отдельными исключениями, все они написаны профессиональными революционерами (хотя многие из них были крестьянского происхождения). Уже после подавления основной массы восстаний за рубежом было записано несколько воспоминаний их участников — обычно эсеров. Отражают ли эти произведения видение целей восстания основной массы его участников — большой и до сих пор дискуссионный вопрос². С точки зрения исследователя памяти, однако, более существенным представляется вопрос распространения и известности подобного рода литературы уже после подавления восстания, ее возможности стать символическим медиатором для социальной памяти. И здесь ответ очевиден: практически все повстанческие листовки и обращения были изъяты силами большевиков или уничтожены самими крестьянами из соображений безопасности после

¹ *Кондрашин В. В.* Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы гражданской войны // *Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. статей и документов.* М.: Аиро-xxi, 2013. С. 80–99. Наследие повстанцев представлено в той или иной степени в большинстве сборников документов, посвященных крестьянским восстаниям. Большую работу по публикации этих источников провели Т. Шанин, В. Данилов, В. Б. Безгин, А. В. Посадский, М. Ю. Зайцева, Д. П. Иванов и др.

² В. В. Кондрашин предлагает восстановить единую программу крестьянства, сопоставив документы повстанцев в разных регионах. При этом он признает, что подавляющее большинство этих документов написано не крестьянами, а эсерами, и соглашается с Т. Шаниным, что эсеры «не вели крестьян» (*Кондрашин В. В.* Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы войны. С. 95–96).

подавления восстаний¹. О доступности эмигрантских газет в советском селе не стоит и говорить.

Второй фактор — это жесткая рамка памяти о восстаниях, сформированная большевиками сразу после подавления выступлений. Новая власть быстро установила контроль за издательским делом, введя систему цензуры и не допуская публикаций, идеологически несовместимых с режимом². Такими в любом случае считались бы любые сочинения, не вписывающиеся в сформулированную в основных чертах уже в 1920-х схему объяснения крестьянских восстаний как кулацко-эсеровских мятежей против советской власти³. Эта трактовка закрепилась в большевистском дискурсе и уже в 1930-х была окончательно канонизирована в «Кратком курсе истории ВКП(б)» И. В. Сталина, откуда перешла во все школьные учебники страны.

В этой ситуации память о восстаниях, сохранившаяся только на устном уровне, оказывалась под запретом. Участники и свидетели восстаний сами избегали этой темы. Сходным образом на десятилетия будет табуирована в деревне тема коллективизации и раскулачивания. Неудивительно, что многие прямые потомки восставших вспоминают лишь о том, что их родители не желали говорить о восстании.

В то же время советская культурная политика и политика памяти были направлены на маргинализацию восставших. Образ восстаний как локальных «кулацко-эсеровских» мятежей или «бандитских погромов» формировался через монументальную политику (многочисленные коллективные

¹ Сохранившиеся документы откладывались в основном в фондах РККА и ВЧК как иллюстративный материал, специально они никем не собирались и нигде не хранились.

² *Блюм А. В.* За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994.

³ Например: Антоновщина: Статьи, воспоминания и др. Материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / Под ред. С. В. Евгенова, О. С. Литовского. Тамбов, 1923.

захоронения жертв «кулацких восстаний» в центрах сел и городов), прессу, систему начального образования, художественные романы (например, роман Н. Вирты «Одиночество»), постановки в театрах и т. п. За «правильной» интерпретацией восстаний следила не только цензура, но и система литературной и театральной критики.

Третьим фактором стало постепенное исчезновение деревенского и, более широко, негородского мира в том виде, в котором он более или менее устойчиво существовал на протяжении столетий. Процесс стремительной урбанизации играл существенную роль во многих обществах XX века, но Советская Россия стала одним из примеров наиболее радикальной и агрессивной модели трансформации аграрного мира и отказа от его наследия. Коллективизация и урбанизация способствовали миграции населения, нарушению связей между поколениями, стремительным изменениям идентичности многих людей. Бывшие крестьяне, а теперь «советские люди» переставали связывать свою историю с социально малопрестижной историей негородского, в том числе крестьянского, мира. Таким образом размывалась сама крестьянская идентичность и связи внутри крестьянских семей и сельских сообществ, которые могли бы быть носителями альтернативной памяти о восстании.

Этому способствовали и другие катаклизмы, обрушившиеся на деревню: раскулачивание, голод и, наконец, война. Не случайно в воспоминаниях наших современников горизонтом социальной памяти выступает в большинстве случаев Великая Отечественная война, реже — коллективизация. Более отдаленное прошлое обычно представляют лишь по книгам и фильмам, иногда — по расхожим образам деревенской жизни (жили голодно, ходили стирать на речку и т. п.), встраивая в них фигуры своих родственников.

Все названные выше обстоятельства порождают ситуацию почти полного отсутствия «голосов» крестьян в памяти

о крестьянских же восстаниях. За три или четыре поколения, сменившихся с начала 1920-х годов, свидетельства очевидцев были забыты. В этом смысле мы обречены слышать рассказы о восстаниях только «чужими голосами». Сама ситуация размывания памяти о недавних событиях не редкость для многих групп во второй половине XX века. Как отметил Э. Хобсбаум, «разрушение прошлого или, скорее, социальных механизмов, связывающих современный опыт с опытом предыдущих поколений, — одно из самых типичных и тягостных явлений конца двадцатого века»¹. Возможно, память и забвение о столь драматических событиях, как крестьянские восстания времен Гражданской войны, — одно из самых ярких и характерных проявлений этого процесса.

При анализе современного состояния памяти о событиях эпохи Гражданской войны нельзя не учитывать динамику рамок памяти в СССР и постсоветской России². На протяжении прошедших десятилетий эти рамки заметно менялись, представляя то больше, то меньше пространства для интерпретации и памятования разных событий и групп, принимавших участие в восстании. После подавления восстаний наступил период жесткой регламентации пространства публичного высказывания на эту тему. Контроль над публичным полем был усугублен действовавшими в деревне репрессивными механизмами, голодом и миграцией населения эпохи индустриализации и войны. Затем последовало относительно либеральное «оттепельное» время: к периоду 1960-х годов относится бум краеведческих исследований, впервые поднявших многие вопросы истории восстания. Разумеется, советское краеведение

¹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. 1914–1991. М.: Независимая газета, 2004. С. 13.

² Об этом см., например, такие обобщающие работы, как: *Концов Н. Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011; *Этле Н.* Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

(подтверждение этому можно найти во многих главах этой книги) не претендовало на создание альтернативной картины истории восстаний. Однако, восстанавливая историю подвигов коммунистов и чекистов, исследователи не могли не столкнуться с различными версиями истории и не актуализировать память о восстаниях. К этой эпохе относятся многие записи воспоминаний участников подавления восстаний, хранящиеся в основном в фондах областных архивов (прежде всего — партийных). Немалую роль в этом процессе сыграло особое внимание к юбилеям революции, широко отмечавшимся во всей стране как в 1950–1960-х, так и в 1970–1980-х годах.

Следующим этапом осмысления темы стала перестройка и 1990-е годы, когда на смену односторонней «советской» картине крестьянских восстаний стали приходиться романтизированные образы повстанцев — народных героев — олицетворение крестьянства, ставшего жертвой советской политики. Смена полярности оценок совпала с открытием архивов и началом более фундированного исторического изучения событий восстаний. Однако к тому моменту подобные исследования были уже скорее фактом историографии, чем реального общественного интереса: в большинстве случаев результатом предшествовавшей советской политики памяти стало либо полное забвение истории о восстаниях в регионах, где они происходили, либо самая общая осведомленность на уровне, вынесенном с уроков истории. Восстания окончательно стали делом «давно минувших дней».

Хронологическая динамика рамок памяти дополнялась их неоднородностью в отношении разных восстаний. Так, Тамбовское восстание уже в 1930-х годах вошло в канон истории Гражданской войны. В то же время не менее многочисленное выступление крестьян Западной Сибири долгое время было обойдено вниманием историков, авторов учебников и художественной литературы. Этот пробел начал восполняться лишь с 1970-х годов.

Определенная непоследовательность в изображении восстаний влияла не только на общенациональный исторический нарратив, но и на региональные рамки памяти и осведомленность жителей разных областей СССР о происходивших на этих территориях событиях. Одной из задач этой книги было показать различия в памяти о событиях восстания, вызванные подобной ситуацией.

Рассмотрение ключевых для авторов книги вопросов о крестьянских восстаниях (механизмы памяти и забвения, взаимодействие и взаимовлияние различных форм памяти, методология работы с уходящей памятью) неизбежно происходит на разных «уровнях» существования памяти: национальном, региональном и локальном. Не всегда грани между этими «слоями» очевидны, и кажется, что почти никогда невозможно составить более или менее полную картину происходящего, действуя только в одном из этих условных «регистров». Поэтому мы предпочли не пытаться создать общую картину памяти и забвения о крестьянских восстаниях на региональном (или тем более общенациональном) уровне, а предложили набор кейсов, которые позволяют увидеть многообразие факторов, влияющих на память и забвение. Мы надеемся, что в этих небольших историях внимательный читатель сможет увидеть отражение тех черт более общих процессов, полноценное описание которых еще нуждается в усилиях многих исследователей.

Девять глав книги тематически объединены в три части: «Память и места коммеморации», «Память и тексты», «Память и речь». Это разделение, адресующее к разным носителям памяти, в значительной мере условно — так или иначе все авторы этой монографии затрагивают разные медиаторы и формы памяти. Каждый раздел состоит из двух глав, касающихся памяти о Западно-Сибирском или Тамбовском восстаниях, и одной — о памяти и забвении о событиях Гражданской войны за пределами ареалов этих восстаний.

Первая часть, «Память и места коммеморации», начинается с главы, написанной Е. А. Рачевой и посвященной анализу сельских сообществ и групп активистов, стоящих за созданием «вернакулярных мемориалов» в Инжавинском районе Тамбовской области. Автор прослеживает связь между активистской деятельностью и представлениями об индивидуальной и групповой идентичностях, регистрируя новую волну интереса к событиям восстания и созданию новых коммеморативных практик.

Вторая глава представляет собой исследование судьбы захоронения большевиков — жертв крестьянского восстания в городе Уварово Тамбовской области. Ее автор, Е. И. Миронova, прослеживает историю захоронения с 1921 по 2020 год и связь локальной коммеморации с изменением общенациональных рамок памяти. Последняя трансформация — замена памятника погибшим коммунистам на православную «стелу единства». Она по-разному воспринимается современными жителями Уварова. Изложению их точек зрения на вопрос также уделяется значительное внимание в этой главе.

В заключительной главе первой части А. Д. Соколова рассматривает в широком, общенациональном контексте формирование в эпоху Гражданской войны (и первые годы после нее) культуры красных похорон и коллективных захоронений. Зародившись еще в предреволюционную эру, эти традиции стали определяющими для монументов жертвам и героям Гражданской войны в 1920-х и во многом задали рамки более поздних советских практик. В главе демонстрируется неоднозначность восприятия красных и коллективных похорон даже непосредственно в большевистской среде того времени.

Вторая часть, «Память и тексты», начинается с главы об истории памяти о событиях крестьянского восстания в селе Новорусаново Жердевского района Тамбовской области. По мысли Н. А. Ломакина, записанные в 1960-х годах

воспоминания о создании новорусановцами коммуны «Дача» и ее истории в 1920-х сформировали специфическую культуру памяти. Она резко отличалась от памятования в соседних селах. Во многом благодаря этой книге, имевшей очень ограниченное хождение, в Новорусанове сохранилась семейная память о восстании и культура частной коммеморации событий 1920-х годов.

В пятой главе А. В. Кравченко пишет об истории публикации и восприятия художественных произведений о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях в советское время. Он приходит к выводу, что именно раннее включение произведений о восстании в Тамбовском регионе в соцреалистический канон (и в то же время — ограниченность корпуса текстов о событиях в Западной Сибири) в значительной степени определило состояние как позднесоветской, так и современной социальной памяти о восстаниях.

В шестой главе Н. Б. Граматчикова исследует особенности дискурса краеведческой литературы о Казымском восстании коренных народов приобской тундры (1932–1934) и его связь с воспоминаниями свидетелей восстания, записанными в конце 1970-х годов. Сопоставляя этот блок источников с вводимыми ею в научный оборот дневниками участников подавления восстания, исследовательница ищет путь восстановления многосоставного нарратива о восстании и показывает, насколько глубоко сложившиеся рамки памяти о событиях влияют на более поздние биографические нарративы.

Третья часть, «Память и речь», начинается с методологических размышлений И. Е. Штейнберга и В. П. Клюевой. Авторы описывают метод опроса, разработанный в ходе полевой работы в Тюменской области, где уровень осведомленности многих респондентов о восстании оказался невысоким¹.

¹ В данном случае, разумеется, речь не о краеведах, активистах или историках, а о людях, не имеющих специальных профессиональных знаний о событиях Гражданской войны.

Предложенные исследователями методики позволяют вовлечь респондентов в процессы рефлексии и воспоминания о событиях восстания.

В восьмой главе Н. А. Лискевич анализирует материалы интервью, собранные в Приишимье Тюменской области. Акцентируя внимание на связи языка современных респондентов с официальным советским языком, исследовательница обращается к анализу публикаций местной прессы. Она приходит к выводу, что низкая степень осведомленности о восстании связана со слабостью межпоколенческой передачи памяти, а восприятие событий восстания ее респондентами все еще определяется доминированием именно советских описательных категорий.

Заключительная, девятая глава посвящена формированию идентичности казаков семеновцев в Забайкалье и роли в этом процессе памяти о Гражданской войне. Автор главы, И. О. Пешков, описывает, как в 1960–1970-х годах складывание мифологического образа семеновцев на границе с Монголией и КНР повлияло на идентичность казаков региона. Взаимодействие с «фантомной» памятью советского приграничья актуализировало память о Гражданской войне и создавало новые формы идентичности и интерпретации прошлого.

Авторы не претендуют на создание обобщающей картины памяти об исследуемых восстаниях (даже если полагать, что подобная задача в принципе выполнима). Представленные истории — это скорее иллюстрации различных механизмов социальной коммуникации, бытования культурной памяти в советскую и постсоветскую эпохи. Делать далекоидущие выводы на их основе было бы наивно и самонадеянно. Тем не менее эта книга, как мы надеемся, могла бы способствовать развитию дискуссии о состоянии памяти о Гражданской войне и об эпохе 1920-х годов в целом. Потенциально полезным в дальнейших исследованиях представляется

компаративный подход. Сравнительное рассмотрение схожих процессов в разных регионах страны позволяет сделать шаг к созданию общего словаря для описания процессов памяти и забывания о трагических событиях XX века. И наконец, больше всего мы как составители этой книги ценим поставленные в ней вопросы, ответы на которые не были найдены. Таких вопросов много, а значит, все еще впереди.